

НИКОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

<http://nikolskoecity.ru>

№ 5 (125) май 2017

Бессмертный полк 2

За час до войны 4

Не забыть никогда 5

Победа под Ленинградом 7

Красной Армии – слава! 8

Дорогие ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, жители блокадного Ленинграда, бывшие несовершеннолетние узники фашизма, дети и вдовы погибших защитников Отечества, уважаемые никольчане, от всего сердца поздравляем вас с Днем Победы!

9 мая – это священная дата для каждого россиянина. Этот день мы называем праздником со слезами на глазах, потому что вспоминаем тех, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Ряды ветеранов редеют. Каждый из них – живой свидетель истории, свидетель мужества нашего народа, беззаветного героизма и преданности родному Отечеству. День победы советского народа над фашизмом объединяет нас и делает стойкими перед лицом любых испытаний. Наш долг – помнить, какой ценой досталась победа в этой страшной войне, чтить вечную память погибших и проявлять неустанную заботу о ветеранах. Быть их наследниками – великая честь и высокая ответственность.

Желаем ветеранам здоровья и оптимизма, радости общения с близкими и друзьями. А всем никольчанам желаем мирного неба над головой, уверенности в завтрашнем дне, счастья и благополучия.

В. Н. Юсина,
глава Никольского городского поселения

С. А. Шикалов,
глава администрации
Никольского городского поселения

ФОТО: А. А. БЕЛИКОВ

ФОТО: ИГОРЬ КАЛАШНИКОВ

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ

Торжественно-траурный митинг открыл директор МКУ «Никольский дом культуры» А.А. Богомазов

Глава Никольского городского поселения В.Н. Юсина

В. Н. Юсина, С. А. Шикалов, отец Михаил на братском воинском захоронении «Графская гора»

Возложение цветов на братском воинском захоронении «Графская гора»

В конце апреля – начале мая по всей стране традиционно проходят мероприятия, посвященные празднованию Дня Победы. 9 мая – священный день для каждой российской семьи. В июне 1941 года война вошла в каждый дом, забрала жизни, разрушила судьбы, стерла с лица земли деревни и целые города. Советский народ дал отпор врагу, напавшему на нашу родную землю, защитил не только свой дом, но и весь мир от «коричневой чумы». Советский народ яростно сражался на фронтах войны, трудился день и ночь на заводах и фабриках в тылу, поставляя на фронт оружие, жил и выживал в нечеловеческих условиях оккупации, блокады, концентрационных лагерей. Выжил и победил, показав всему миру пример стойкости и героизма. Никольчане чтят и берегут память о великих подвигах советских воинов, прошедших дорогами войны, отдавших свои жизни ради победы, о многочисленных жертвах среди мирного населения.

В этом году праздничные мероприятия в честь 72-й годовщины победы в Великой Отечественной войне начались 26 апреля встречей с ветеранами, организованной Молодежным советом при администрации Никольского городского поселения в малом зале

Никольского дома культуры. За накрытыми столами в тесном кругу поделиться своими воспоминаниями собрались ветераны Великой Отечественной, участники боевых действий, блокадники, узники концлагерей. С приветственными словами к ветеранам обратились глава администрации С. А. Шикалов, член совета депутатов И. Ю. Тюльков, председатель Молодежного совета Юлия Пастухова. Творческие коллективы МКУ «Никольский дом культуры» подготовили для собравшихся небольшой концерт. Ветеран войны Анатолий Алексеевич Дубусов, когда его попросили поделиться воспоминаниями о войне, сказал: «Война – это горе, это слезы и голод».

По традиции в канун Дня Победы никольчане возлагают венки к памятным местам Великой Отечественной войны, приходят к памятнику «Защитникам Ленинграда», месту, откуда на фронт уходили жители Никольского, собираются для возложения цветов и венков у памятного знака «Камень-валун», установленному по инициативе учителей и учеников гимназии № 1 в двухстах метрах от моста через реку Тосну. Здесь в годы войны фашисты устроили концлагерь, в котором погибли тысячи плененных защитников Ленинграда, жителей Николь-

ского и других населенных пунктов. Затем горожане побывали у памятной стелы в микрорайоне «Перевоз» и у мемориала завода «Сокол». На этом памятном месте 23 июня 1941 года собрались рабочие завода и написали заявления с просьбой зачислить их в ряды Красной Армии.

Основные мероприятия по празднованию Дня Победы начались в полдень 9 мая торжественно-траурным митингом на братском воинском захоронении «Графская гора». Каждый год почтить память героев сюда стекаются люди из Никольского, Красного Бора, Отрадного, Ульяновки и других мест. В этом году у мемориала собралось порядка тысячи человек. Люди приходили семьями, с друзьями, коллективами и поодиночке, с цветами, флагами, портретами воевавших дедов и прадедов.

Ветераны войны, блокадники, узники концлагерей прошли на почетные места, специально приготовленные для них организаторами. Торжественно-траурный митинг, посвященный 72-й годовщине победы в Великой Отечественной войне, открыл директор МКУ «Никольский дом культуры» А. А. Богомазов. Звучали песни, стихи, посвященные подвигу воинов, защищавших нашу землю. К собравшимся об-

«Звенел победой май цветущий!»

В память всех, кто отдал свои жизни за победу, была объявлена минута молчания

ПОБЕДЕ

ратились глава Никольского городского поселения Вера Николаевна Юсина, депутат Законодательного собрания Иван Хабаров, заместитель председателя Совета ветеранов Валерий Казаков. Настоятель церкви Святителя Николая Чудотворца протоиерей отец Михаил помолился вместе с собравшимися о погибших солдатах. В память обо всех, кто отдал свои жизни за победу, была объявлена минута молчания. Митинг завершился залпами из карabinов в честь героев войны.

Администрация Никольского городского поселения, как и в предыдущие годы, заказала для горожан автобусы, на которых они могли приехать к местам проведения торжественных мероприятий. На братском захоронении организаторы раздавали всем желающим ставшие символом праздника георгиевские ленточки. Также по окончании торжественного митинга можно было попробовать солдатскую кашу. До и после торжественной части на братском захоронении звучали песни военных лет, песни победы.

Уже несколько лет в России и других странах мира в День Победы проходит акция «Бессмертный полк». В больших и маленьких городах люди проходят по улицам с портретами своих воевавших и победивших родственников, всех тех, кто не дожил до сегодняшнего дня. В Никольском акция «Бессмертный полк» проводится уже несколько лет. В этом году в шесть часов вечера колонна начала движение от перекрестка Заводской и Комсомольской улиц и прошла до площади у Дома культуры, где начался праздничный концерт «Звенел Победой май цветущий», подготовленный творческими коллективами Никольского.

По словам главы администрации Никольского городского поселения, городу необходимо прикладывать все усилия для того, чтобы память о великой победе всегда жила в сердцах людей, чтобы наши дети, внуки, правнуки приобщались и имели отношение к этому священному для россиян празднику.

Анна СМИРНОВА
Фото: Игорь КАЛАШНИКОВ

Редакция газеты выражает благодарность бессменному командиру поискового отряда «Беркут», входящего в состав Общественной межрегиональной историко-патриотической поисковой организации «Доблесть» Алексею Владимировичу Макаренко и директору никольской библиотеки Галине Алексеевне Петрушевой за помощь, оказанную в подготовке этого номера газеты.

После акции «Бессмертный полк»
на площади у Дома культуры

Никольчане слушают концерт, посвященный
Дню Победы на площади у Дома культуры

Бессмертный полк

В Никольском акция «Бессмертный полк» проводится уже несколько лет

«БУДУЩЕЕ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА»

С самого начала планирования войны против СССР руководство фашистской Германии отводило Ленинграду особое место. Помимо того, что город на Неве являлся вторым после Москвы экономическим центром страны, здесь располагалось Управление военным округом, охватывавшем территорию от Балтийского моря до Кольского полуострова. По замыслу разработчиков плана, немецкие войска, разделившись на три части, «Юг», «Центр» и «Север», должны были одновременно наступать на Киев, Москву и Ленинград. 17 декабря 1940 года Гитлеру была представлена директива о военной кампании в России. На следующий день, 18 декабря, Гитлер подpisaал директиву, которая получила кодовое название «Барбаросса». Согласно этому документу, группа армий «Север», наступая из Восточной Пруссии вместе с группой армий «Центр», должна была уничтожить советские войска, находившиеся в Прибалтике, а затем

двигаться в направлении Ленинграда, занять город, после чего присоединиться к группе армий «Центр» и захватить Москву.

22 июня 1941 года в четыре часа утра Германия напала на Советский Союз. В первые дни и недели войны фашистские войска быстрыми темпами продвигались вглубь территории СССР. Уже на восьмой день войны Гитлер требует ускорить наступление на Ленинград. 8 июля на совещании в ставке он говорит, что намерен с помощью авиации сравнять с землей Москву и Ленинград. Десятого июля немецкие и финские войска одновременно наносят удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях. 4-я танковая группа и 18-я армия немцев вместе с Юго-Восточной армией финнов начинают непосредственное наступление на город Ленина. В этот день началась битва за Ленинград. Гитлер убежден, что с падением города дух славянского народа будет сломлен, эту потерю русские воспримут

как катастрофу. И уверен в скором успехе. С 21 по 31 июля в группе армий «Север» находился специальный курьер ставки, который должен был немедленно доложить фюреру о падении Ленинграда.

В эти же дни становится очевидным, что сходу и при том сопротивлении, которое оказывали советские войска, огромный город взять не удастся. 25 июля впервые прозвучали слова о том, что Ленинград необходимо отрезать и взять измором. 30 июля Гитлер приказывает группе армий «Север» «продолжить наступление на Ленинград, окружить его и установить связь с финской армией». На совещаниях по стратегическим целям войны он повторяет из раза в раз, что окружение Ленинграда является первоочередной задачей немецких войск на северном направлении.

Немецкие войска приближались к Ленинграду. В штабе группы армий «Север» рассматривался вопрос о способах сужения кольца окруже-

ния города. В конце августа фашисты подошли к границам Тосненского района. 25 августа была взята Любань, 27-го – поселок Тосно, 28-го – поселки Ульяновка, Красный Бор и село Никольское. 29 августа главнокомандующий группой армий «Север» отдал приказ об окружении Ленинграда. 30 августа передовые части 20-й моторизованной дивизии вышли к Неве в районе села Ивановское и захватили станцию Мга. Автомобильное и железнодорожное сообщение с Ленинградом по левому берегу Невы прекратилось. 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург, 12-го – Красное Село, 13-го – Гатчину. 17 сентября фашистские войска вышли на побережье Финского залива у Стрельны, захватив часть Петергофа, взяли Детское Село и Лигово, 18 сентября был захвачен Павловск. Кольцо вокруг Ленинграда сужалось, но на ближний рубеж окружения немцам выйти так и не удалось. 22 сентября выходит секретная директива под на-

званием «Будущее города Петербурга». В ней говорилось о том, что фюрер принял решение стереть Ленинград с лица земли. Для этого предлагалось «плотно блокировать город и сравнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха» и отклонять все заявления о сдаче города. 12 октября Гитлер вновь решает, что «не следует принимать капитуляцию Ленинграда, даже если она была предложена противоположной стороной». И запретит всем немецким солдатам входить «в этот город». «Не следует рисковать жизнью немецких солдат в интересах сохранения русских городов от разрушения, и нет необходимости кормить местное население за счет Германии», – скажет он.

Ленинград оказался в блокаде, а для жителей оккупированных сел и деревень Ленинградской области начались суровые испытания.

Петр ИЛЬИН

ЗА ЧАС ДО ВОЙНЫ

В 1934 году на берегу Власьевого ручья построили двухэтажный деревянный дом баракного типа. В половине помещений первого этажа разместилось общежитие для учащихся открывшегося при Ленинградском Ульяновском заводе, бывшем пороховом заводе Б. И. Виннера, филиала школы фабрично-заводского ученичества ленинградского завода «Краснознаменец». С 1920 по 1940 год школы ФЗУ работали при крупных предприятиях. За четыре года в них подготавливали квалифицированных рабочих. В школу ФЗУ принимали молодежь от 14 до 18 лет с начальным образованием. В январе 1941 года в газете «Ленинское знамя» появляется заметка о том, что «на Ульяновском заводе в цехе товарища Юдина среди молодых работниц, окончивших ФЗУ, выделяется Шура Приклонская. Это молодая, скромная девушка, комсомолка-стахановка, любящая общественную работу. С приходом ее в цех из ФЗУ она уже в первые дни не отставала от старых производственниц цеха. Сейчас она работает со стахановкой М. Соколовой, опытной работницей, хорошо знающей свое дело, повседневно помогающей Шуре в совершенстве овладеть агрегатом. <...> В общежитии «Мухановка» ее можно встретить среди активистов молодежной самодеятельности».

В 1931 году на территории Никольского сельсовета были созданы три колхоза. В Воскресенском и Рождествено организовали колхоз «Путь Ильича», в Пустыньке, Захожье и Гертово – колхоз «Быстрый», в Никольском – «Красный пахарь». За десять лет работы колхоз «Красный пахарь» достиг заметных успехов. В 1940 году у колхоза было 182 гектара посевых площадей, конюшня, коровник, телятник, зернохранилище и овощехранилище, остеокленные парники. Колхоз содержал коров, свиней, лошадей и овец. В 1941 году в «Красном пахаре» внедрили супочный график выработки. Каждый работник ежедневно получал нормированное задание на выполнение определенной работы. В январе 1941 года газета «Ленинское знамя» сообщает, что колхоз дружно готовится к весенним работам. 7 июня выходит заметка о первом номере стенгазеты, выпущенной в «Красном пахаре»: «Вышел первый номер стенной газеты "Голос колхозника". Эта стенгазета красиво оформлена, статьи и заметки написаны грамотно. Стенгазета ярко рассказывает о значении выпуска нового займа третьей пятилетки. Кроме того стенгазета много внимания уделяет укреплению трудовой дисциплины – показаны лучшие люди колхоза. Редколлегия решила регулярно выпускать стенгазету».

15 февраля 1941 года выходит статья, из которой можно узнать, что «неподалеку от села Никольское запланировано строительство новомеханизированного завода по

пусухого прессования кирпича. Все механизмы, которые будут установлены на этом предприятии, практически испытываются на действующем отделении завода. <...> Преимущества производства кирпича таким способом перед остальными, уже известными способами огромны. В 1941 году кроме 4 млн кирпича отделение завода выпустит 22 тысячи кв. метров половой плитки, триста тысяч штук черепицы, восемьсот погонных метров архитектурной терракоты – плитки для облицовки фасадов зданий. Такие плитки обычно делают на керамических и фарфоровых заводах лепным способом, а здесь эти плитки будут производиться полусухим способом с помощью механизмов». 6 апреля «Ленинское знамя» сообщает, что «коллектив новомеханизированного кирпичного завода освоил новые виды изделий и перевыполняет план их выпуска».

В феврале 1941 года в никольской средней школе были проведены две военные игры «На штурм» и «Разведчик». В комсомольском кроссе приняли участие 205 человек, 162 человека сдали нормы БГТО и ГТО. Допризывники никольской школы сдали почти все нормы ГТО.

Жизнь никольчан шла своим чередом. Люди учились, ходили на работу, многие из них участвовали в стахановском движении. Кроме побед, были, конечно, и неудачи, на которые обращали внимание, старались исправить. «В столовой стеклозавода им. Бадаева некультурно. Повара работают в грязных халатах. <...> В зале столовой обитают собаки». «В бане в селе Никольское не дают номеров в раздевальне». «Бывший директор Никольского сельмага, пользуясь попустительством и бесконтрольностью со стороны руководства сельпо, творил темные дела».

21 июня в клубе проходил выпускной вечер учащихся ФЗУ. В фойе играл заводской духовой оркестр. После торжественной части артисты дали большой концерт, после которого начались танцы. Праздник длился до утра. И после танцев молодежь не спешила расходиться по домам, компаниями и парами прогуливались от клуба до церкви на другом конце села. Несмотря на то, что 22 июня был выходным днем, колхозники трудились на полях. В полдень собирались у правления колхоза на заранее объявленный сход. По радио передавали модную песню «По дороге неровной». Неожиданно песня оборвалась на полуслове. Никольчане, как и вся страна, услышали звукнованный голос комиссара иностранных дел Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну».

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

23 июня 1941 года у проходных порохового, стекольного и кирпичного заводов собрались жители и рабочие Никольского. Выступавшие на митингах клеймили фашистов, говорили, что очень скоро враг будет разбит, и призывали добровольно вступать в Красную Армию. На следующий день многие никольчане написали заявления в Тосненский районкомитет с просьбой о вступлении в ряды действующей РККА. С 23 июня началась мобилизация военнообязанных в возрасте до сорока лет, а с 24 июля – резервистов старше сорока лет.

Совет народных комиссаров принимает решение об эвакуации ЛУЗа на восток. Предприятие сразу перешло на работу в режиме военного времени. Завод стал работать круглогодично в две смены по двенадцать часов. Сотни его работников ушли на фронт. К демонтажу оборудования привлекали в основном женщин, выпускников ФЗУ. С завода никого не выпускали, люди жили там же, в мастерских. Имущество динамитного и часть оснащения шнурового цеха переправляли в Пермскую область, оборудование по производству пороха и огнепроводного шнура – в поселок Петра Дубрава в Куйбышевской области. Первый эшелон с оборудованием, работниками завода и их семьями ушел 12 июля. С эшелонами в Петра Дубраву приехали триста работников завода, перед которыми стояла непростая задача – в кратчайшие сроки на пустом месте построить пороховой завод.

В первые месяцы войны все работоспособное население Никольского принимало активное участие в строительстве укреплений и противотанковых рвов под Колпино, у деревень Мишкино и Переезд. К 25 августа из Тосненского района на фронт ушли 6672 человека, из Никольского – примерно 350 человек.

Петр ИЛЬИН

Петр ИЛЬИН

«МЫ МЕРЗЛИ, ГОЛОДАЛИ И КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОДВЕРГАЛИСЬ БОМБЕЖКЕ»

Горькие страницы воспоминаний

Р. Тосна, п. Бабаево, д. Перевоз, Стекольный завод, д. Воскресенская, 1943 год. Фото из архива поискового отряда «Беркут» ОМИППО «Доблесть»

27 августа 1941 года фашисты вошли в Никольское. К концу лета практически все мужское население покинуло село, многие были мобилизованы, многие – эвакуированы на восток страны, многие записались в дивизии народного ополчения. В селе в основном оставались старики, женщины и дети. На их плечи выпала горькая участь – несколько лет жить под оккупацией в считанных километрах от линии фронта. У каждой семьи, оставшейся в Никольском, в других селах и деревнях Тосненского района, своя личная история, и все они объединяются в одну страшную и героическую историю о мужественных людях, переживших годы оккупации, угнанных на чужбину и вернувшихся домой из концентрационных лагерей. С каждым годом ряды ветеранов войны, жителей блокадного Ленинграда, узников концлагерей редеют. Мы слушаем тех, кто еще жив, читаем воспоминания тех, кто уже умер, чтобы знать и никогда не забывать о трагических и героических страницах истории нашей страны, нашего края, нашей семьи.

«Со стороны Ульяновки в Никольское вошли немцы. Часть осталась в Никольском, остальные ушли в Ивановскую. <...> В клубе был обрудован немецкий госпиталь, рядом с ним – большое немецкое кладбище. В начальной школе располагался лагерь военнопленных. В этот лагерь согнали всю молодежь. Затем их вывезли в Германию. В первый день немцы повесили милиционера. Жители захоронили его в канаве. Потом повесили депутата местного совета Шведову».

«Пришли немцы на рассвете. Они дали несколько артиллерийских залпов, и, гремя автоматами, вошла мотопехота. Население было в ужасе. Наши войска вошли в это время в Колпино. Со стороны города начался обстрел. За нашими домами посыпалась снаряды, у соседей убило двух детей. Своих ребят я увела в бункер. Эти бункеры были построены жителями. Кругом слышались крики детей, вопли, плач, ревели снаряды. От этого шума, ка-

залось, можно сойти с ума. Сердце разрывалось на части. Немцы поселились в школе, на заводе и в домах, хозяев которых выгнали вон из своего "угла". Начали "хозяйничать" в Никольском – грабили магазины, убивали колхозный скот, "чистили" дома, опустошали сады и огороды».

«В деревнях Ивановское, Рождественское и Никольское немцы реквизировали весь скот и под угрозой расстрела запретили крестьянам собирать овощи со своих огородов. В деревне Рождественское оккупанты силой оружия заставили жителей убрать на своих огородах овощи, которые тут же до последнего килограмма были отобраны. Обессиливших от недоедания людей немцы силой принуждали ремонтировать дороги и восстанавливать разрушенные мосты».

«В нашем доме жили немцы, а нам пришлось уйти, хорошо, что соседи приютили нас. Домой мы ходили за дровами по утрам, чтобы немцы не поймали, ведь за кражу полагалось наказание – плетка. Чтобы как-то выжить, приходилось работать на немцев. Все мы, дети, работали в разных местах. Гоняли на песчанку, к Неве – делать дорогу, вырубали кусты и закладывали ими ямы, чтобы немцам было удобно ездить. Ездили за капустой, потому что на другой стороне Невы были русские и в детей они не стреляли. Работали до самого вечера, пока не наполним машину».

«Сразу начался голод. Люди были вынуждены перекапывать колхозные поля, чтобы накопать хотя бы ведро картошки. А кое-где на бывших колхозных полях еще оставались копны неубраненного зерна. Люди собирались по 50 – 100 человек, обмолачивали снопы, где еще осталось зерно, а вечером делили, и каждый нес в семью то, что ему досталось».

«Голод заставил в октябре – ноябре 15 – 16-летних мальчишек выходить на дороги, устраивать засады, забрасывать гранатами одиночные немецкие машины, забирать из них продукты. Отшли разговоры о быстром взятии

Ленинграда. Немцы усилили репрессии, стали выселять население из прифронтовой зоны. Но сначала была реквизиция теплых вещей у жителей – немецкая армия к лютой зиме 1941 – 1942 года оказалась не готова. По одеянию это были не солдаты, а чучела. Тогда впервые от некоторых немецких солдат мы услышали: «Гитлер – капут». Встречались среди них и люто ненавидевшие нас. Репрессии обрушились в первые дни оккупации на советских работников, коммунистов. Их вешали. Расправлялись и с теми, кто помогал Красной Армии».

«Теперь голод царил всюду. Он погнал на капустное поле. Уже выпал первый снег, поле местами запорошило. Не везде были видны проволочки от мин. На поле довольно далеко от нас сидел на кочке капусты подросток. Муж крикнул ему: "Скорее уходи с кочки, ведь тебя могут легко подстрелить!" Мальчик не послушался. Вдруг слышим короткий крик ребенка. Его не стало. Мы стояли у канавы, и это нас спасло. Я скатилась в канаву. Там лежал труп солдата. В страхе я головой уткнулась в его спину. Муж недалеко от меня тоже лежал в канаве, подкатив туда санки с собранными листвами. Поход в заминированное поле мало что дал, мы сильно голодали. Стали копать картофельные грядки на покинутых огородах. Копать было очень трудно, земля уже замерзала».

«Наступила зима. Начался страшный голод. Население на санях уезжало в немецкий тыл. Трудоспособных заставляли работать под конвоем. Расчищали снег, пилили лес и дровами мостили дорогу по направлению к Ивановскому. За этот адский труд на морозе, раздетые, разутые, получали по 200 граммов хлеба из древесной муки и по 200 граммов баланды – "супа" мучного. Всех подростков от 12 до 16 лет забрали на казарменное положение. Они жили в школе, работали под конвоем. Трудоспособные мужчины ушли в партизаны. Немцы с самого прихода учинили расправы над населением. Фашисты повесили участкового милиционера Осипова и долго его не снимали – запугивали

жителей. Расстреляли В. А. Рогова за то, что он просил у "гадов" супу. Расстреляли Д. А. Лямину, которая помешалась от голода и пережитых ужасов. Расстреляли и депутата сельсовета Шведову Катю. Ее кто-то предал. Фронт остановился у Поповки. Стали поступать партии военнопленных. Школу сделали лагерем для них. У школы были повешены два брата Корсаковых. Они собирались уйти к партизанам, но кто-то их выдал. Их трупы висели целую неделю. Военнопленные, почти обезумевшие от голода, грызли глину».

«Мы перебрались в дом Ивана Ивановича Лямина. Рядом стоял дом Сергеевых, в котором немцы сделали мастерскую по ремонту обуви, но и он вскоре сгорел то ли от снаряда, то ли от поджога. Наступила зима. Носить было нечего. Находили в развалинах домов старую одежду и натягивали на себя. Никогда не раздевались, сидели с веющим мешком и ждали налета. Выходили на улицу и смотрели, куда падают бомбы. Бежали в противоположную сторону. Прятались в подвалах, воронках, в церкви. Было очень голодно. Летом можно было питаться лебедой, зимой женщины уходили с саночками в далекие села, чтобы там выменять на одежду или оставшееся золотое кольцо картофельные очистки, турнепс. А мы, ребятишки, оставались одни. Иван Иванович умер от голода».

«Нам повезло. На окраине поселка в лесу нашли труп лошади. Дома сварили мясо с чудом сохранившимся мандариновыми сухими корочками, чтобы отбить ужасный запах. Мясо было совсем сухое и жесткое. Но для голодных людей и это было счастьем. Потом варили и шкуру лошади. От голода я и муж сильно опухли. Валенки не надевались – пришлось сделать надрезы, чтобы вытащить ноги. Искать пищу было все труднее, и страшно было встречаться с немцами. Муж очень тяжело переносил голод. Он даже плакал, как ребенок: "Мне хотя бы посмотреть на картошку и подержать ее в руках". Не помню, в каком месяце, но была уже зима. Он пошел искать, что бы по-

есть, и не вернулся. Как потом я узнала, муж упал на улице. Какая-то добрая женщина втащила его в баню, и он там умер. Я ничего не знала о нем, страшно волновалась, что он не выдержит и пойдет к немецкой кухне. Ведь его уже за это били немцы. В этот же день под вечер мне люди посоветовали пойти на кладбище, где немцы закапывали умерших. Там я и нашла мужа, лежавшего на земле перед вырытой могилой. Ни шубы, ни валенок на нем уже не было. Помню, я не плакала о муже – ведь это было избавление от голода, от вечного страха за жизнь».

«Бои шли ожесточенные, кругом рвались снаряды, бомбы. Налеты авиации происходили периодически. Помню один воздушный бой. Немцы подбили наш самолет. Один летчик выпрыгнул с парашютом, а другой врезался в дом и стал расстреливать немцев, которые бежали к нему. Последнюю пулю он оставил себе. А другой, тот, что летел на парашюте, видимо, убедившись, что падает на территорию, занятую немцами, перезвал себе горло, чтобы не попасть в плен к фашистам».

«А еще у нас был такой способ добывать продукты. Немцы пунктуально в одно и то же время запрягали лошадь, ставили в сани бидон с супом или каким-нибудь другим блюдом и отправляли обед на передовую. Это в сторону Поповки. Там всегда стояло зарево от пожаров. Бывало, убивали и немца, развозившего обед. Мы осторожно подползали к повозке. Нас видели русские солдаты и не стреляли. Они были совсем недалеко, и часто по ночам была слышна музыка, играли на патефоне "Катюшу". Забрав обед, мы пировали в своем окопе несколько дней. Даже пудинг однажды добыли. Но это были редкие удачи. Чаще приходилось голодать. Зима была суровая. Всю теплую одежду, какая еще водилась у людей, немцы отбирали и сами одевались в женские пальто, шубы. Мы мерзли, голодали и каждый день подвергались бомбежке».

Подготовил
Алексей ВОРОБЬЕВ

«И НИКОГДА, НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ»

горькие страницы воспоминаний

«В январе 1942 года в Тосненском районе фашистские громилы учинили зверское убийство престарелых инвалидов. В Макарьевском монастыре был инвалидный дом. Здесь лечились триста хронически больных женщин. В один из морозных январских дней гитлеровцы ворвались в этот дом и выгнали в поле всех его обитателей. Больные женщины все до одной были расстреляны немцами из пулеметов. По поступившим данным, немецкие варвары угнали на рабский труд в Германию из двух поселков Тосненского района, Красный Бор и Никольское, триста человек».

«До января полгода так и жили. Комендатура их, немецкая, была в Никольском, в деревне. В страхе держали народ. Комендантский час объявили. Двух мужчин за нарушение этого самого часа повесили, женщину, говорили люди, утопили. Помню, еще женщину расстреляли с мальчиком. Мальчик украл у них буханку хлеба, голодали же все ужас как. Даже помню, как звали ее – Эмилия Реш. Она тоже, как и мой свекор, была из немцев. Она поняла, язык знала, когда в комендатуре говорили о том, что их расстреляют, и сказала мальчику: "Беги!" Они оба побежали, но убили их вдогонку прямо. А потом, в январе сорок второго, когда уж город был в блокаде, стали они всех стгонять, переселять. Кто куда разбегались, на санки пожитки складывали и пешком уходили. Но куда я пошла бы с малым да со стариками».

«Куда отправляют, немцы ничего не сказали. Мол, пойдете туда, где будет работа и сытая жизнь. В щедрость немцев, конечно, никто не верил, но пришлось подчиняться врагу. На пункте сбора, кроме взрослых с детьми, отправляли и группу маленьких детей без родителей, видимо, сирот. У одной маленькой девочки не было пальтишка, а на улице стоял мороз. Люди собирали, у кого есть, английские булавки, а вата была. Закрепили толстым слоем эту вату прямо на платьице. Вечером нас подвезли к огромному сараю. Весь разгружаться. Вещи распорядились оставить у входа, а самим идти в здание. Вошли. Оказалось, ранее это была откормочная свинобаза. Сюда согнали не одну тысячу человек из разных мест. Сесть было негде, так было тесно. Недалеко от меня топилась длинная и узкая печь, предназначенная для варки кормов. И вдруг я увидела, что к железной трубе печи прислонен ребенок, видимо годовалый, и у него ручка зажарилась от трубы. Но он не плакал, так был слаб. Я схватила ребенка,

Многие советские жители прошли фашистские концлагеря

но тут немец вырвал его из моих рук и снова посадил к печке. Мне никогда не забыть этого ребенка, как не забыть и раздавленного ногами на полу грудного ребенка в нарядном конвертике. Как тяжело все это вспоминать! И никогда, никогда не забыть».

«Нас отправили на фурах, крытых повозках, запряженных лошадьми, в Тосно и разместили всех в свинарнике. Народу набилось столько, что можно было поджать ноги и остаться висеть. Утром двери свинарника открыли. Народ высыпал из него. Всем стали давать по полбуханки хлеба, наполовину из хвойных опилок. Кто умер, ослаб, не мог самостоятельно двигаться – выволакивали во двор, брали за руки, за ноги, раскачивали, бросали в фуры и увозили в неизвестном направлении. Так погибла моя бабушка. У немцев это называлось "естественный отбор". Через такое чистилище прошли, видимо, сотни тысяч наших сограждан. Затем нас посадили на фуры и повезли. Километров через десять высадили в деревне и там оставили. Дальше – своим ходом. Был январь, мороз градусов за сорок. Хорошо расчищенная дорога напоминала коридор в снегу. По обочинам там и тут из сугробов торчали человеческие ноги, руки, окоченевшие трупы. По этому "коридору смерти" не все дошли до ближайших деревень и спаслись».

«Нас увезли сначала в Гатчину, там были специальные бараки, пересыльный пункт. Оттуда отправили в Псковскую область. Потом три месяца жили у хозяев в деревне Заболотье. Дальше немцы пригнали нас на станцию, откуда отправили в Эстонию, Латвию, Литву. Ходили хозя-

ева и отбирали работников. Я попала на кирпичный завод в Эстонии, а родителей отправили в Литву. Так как я была маленькой, меня поставили гладить белье, полоть. Мы жили в бараках, во время бомбежек прятались в сене».

«Вот и погрузили нас на стекольном в товарняк – целый состав. Набили, как скот, полные вагоны, и повезли. Темень, холод, кормили как-то баландой. Сказали, в Ригу везут, а Ригу мы так и не увидели. Доехали до места в апреле. Это четыре месяца. А попали в Польшу, в лагерь. Так и катились всю войну из одного лагеря в другой. Какое в лагере жить! В трех не очень больших комнатах в одном из лагерей нас было по 200 – 500 человек. Как выжили при такой кормежке, не знаю. Все-таки верили, что это когда-нибудь кончится».

«Однажды нас всех выстроили и объявили, что увозят в Германию, так как "рейху нужны рабочие руки". На следующий день посадили в "телячьи" вагоны, выдав по две буханки хлеба. Везли нас в Кенигсберг. По дороге кормили ровно столько, чтобы не умерли с голода. Когда привезли в Кенигсберг, первое, что ожидало нас, был санпропускник. Вот здесь я впервые поняла, как могут издеваться победители над побежденными. Поскольку после такой дороги мы были завшивлены, нас раздевали донага, одежду сразу пропаривали в специальной камере, а нас, голых, всех без разбору – женщин, мужчин, детей – под насмешки и хохот солдатни прогоняли через санпропускник. Мы были для них рабочей скотиной, и обращаться с нами можно было, как со скотом. На маму мою, от приро-

ды очень стыдливую, вся эта процедура повлияла настолько сильно, что она стала невменяемой и безразличной ко всему. То издевательство, которое мы перенесли здесь, не могло бы присниться даже в самом страшном сне».

«Весной 1942 года от голода умерла мать, остались мы трое сиротами: мне – 9 лет, брату – 11, сестре – 17. И за то, что я просила что-нибудь поесть, в меня опять стреляли. К счастью, оба раза меня спасал другой немецкий солдат. Из Пеллы осенью 1942 года нас с братом перевели в Никольское, где приписали к комендатуре, в которой ежедневно отмечались в семь часов утра, с рабочей бригадой посылали в лес за дровами. Кормили нас баландой, были мы голодными, так что опять приходилось просить по домам и на немецкой кухне, куда чаще посыпали меня, младшую. Немцы на передовой, у нас, тоже были уже полуголодные, не то, что в тылу, не могли нас прикармливать. А дети трех – четырех лет, с огромными животами, грызли солому, подушки, жили здесь еще хуже, чем в Пелле. Помню, как они клубочком, замерзшие, лежали вдоль заборов. И взрослые тоже».

«Жили в лагере вместе с нашими военнопленными, а было их немало. На ночь загоняли за колючку, а днем, выставив охрану, заставляли грузить торф. В Гатчине в лагере мы потеряли бабушку, умерла она от голода. Как матери удалось, не знаю, но она договорилась с нашими военнопленными, чтобы нас погрузили вместе с торфом. А все знали, что составы останавливают, и, видно, мать рассчитывала, что в такой момент мы сможем уйти. Таких отчаянных набралось человек

двадцать. Среди нас были и военные. Тронулся состав и пошел в направлении Пскова. Однако убежать не удалось. Охрана заметила наш табор, и тут же нас схватили, дико ругаясь и крича, собирали и детей, и взрослых и под конвоем погнали в сторону города. Остановили перед массивными воротами. И все поняли – это тюрьма. Три с половиной месяца мы провели в ней. Камеры тесные, душные, до отказа были набиты людьми. Охранниками служили литовцы, относились к нам хуже немцев. Внутри тюрьмы работали наши военнопленные, они подносили баланду. Иногда удавалось им налить нам, детям, лишний черпак».

«Меня вместе с другими подростками привезли в Вырицу, на сборный пункт. Отобрали примерно 80 человек и повезли в Минск, где определили на войлочную фабрику. Мы валяли валенки и делали постремки для лошадей. Здесь работали и взрослые. Они нас очень поддерживали – иначе бы не выжить, ведь кормили очень плохо. За малейшую провинность сажали в карцер – подвал, полный крыс. Я побывал там дважды за то, что засыпал на работе. В карцере обычно сидело по три – четыре человека, и мы не давали друг другу спать, чтобы не засели крысы. Ходили мы в полосатой одежде, на ногах – колодки на деревянной подошве. Жили в бараке за колючей проволокой, разделенном на две половины – в одной помещались мы, в другой – охрана. Охраняли нас русские полицейские из предателей».

«Осенью 1943 года немцы увезли тосненское население к себе в тыл. Вывезли и нас, оставшихся в живых, из лагеря смерти. Затолкали в машину и перевезли в какой-то лесной поселок. Это оказалась Вырица. В этих лагерях смерти заключенными были старики, женщины с детьми и больные из Отрадного, Ивановского, Шлиссельбурга, Ленинграда и других мест. Вши донимали нас всех, поэтому на берегу озера построили баню-парилку. Раз в месяц всех прогоняли через эту баню, чтобы выкочить из одежды. Вымирали в лагере семьями. В траншею похоронено около тысячи человек. От прелого навоза у всех детей был ужасный насморк. В мирное время врачи установили этим детям диагноз – волчанка. Все они стали инвалидами. Самому маленькому тогда было три года. Там же, на другом берегу реки Тосна, был лагерь военнопленных. Их под конвоем выводили в лес и там расстреливали».

Подготовил
Алексей ВОРОБЬЕВ

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ

Утром 18 января 1943 года войска 123-я отдельная стрелковая бригада Ленинградского фронта захватила Рабочий поселок № 1, и ее первый батальон встретился с первым батальоном 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Части 136-й дивизии обошли Рабочий поселок № 5 с юга и с севера и встретились с передовыми подразделениями 424-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии. К 16:00 батальоны 330-го стрелкового полка 86-й дивизии и броневики из 61-й танковой бригады освободили Шлиссельбург. Блокада Ленинграда была прорвана.

Разработка операции под условным наименованием «Искра» началась в конце ноября 1942 года. 8 декабря Ставка Верховного Главнокомандующего выпускает директиву командующим войсками Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда и подготовке Мгинской операции. Состоялась встреча командующих Ленинградским и Волховским фронтами, на которой были согласованы действия, установлены линии разграничения и сигналы взаимного опознавания. Они договорились о том, что если войска одного из фронтов не достигнут намеченной линии, то войска другого будут продвигаться вперед вплоть до соединения.

На подготовку операции выделили месяц, в течение которого накапливали силы, обучали войска преодолению сильно укрепленных позиций на лесисто-болотистой местности, отрабатывали взаимодействия пехоты с авиацией, танками и артиллерией. Для этих целей были оборудованы учебные поля и специ-

альные городки. С 15 по 18 декабря генерал Говоров провел военную игру по теме «Прорыв общевойсковой армией подготовленной обороны противника с форсированием реки в зимних условиях». К концу декабря подготовка к операции «Искра» была закончена. Но внезапно наступила оттепель, и лед на Неве оказался недостаточно прочным, а болота стали труднопроходимыми. Операцию перенесли на 10 – 12 января 1943 года.

В ночь с 10 на 11 января войска вышли на исходные позиции. 12 января в 9:30 утра одновременно ударили 4800 стволов. Стена огня и дыма, поднявшаяся над немецкими позициями, закрыла весь горизонт. Авиация 13-й и 14-й армий сбросила тысячи бомб. В 11:15 дивизии Волховского фронта перешли в наступление. В громкоговорителях звучала мелодия «Вставай, страна огромная». Через тридцать пять минут передовые части дивизий Ленинградского фронта под звуки «Интернационала» вышли на невский лед. Впереди были шесть дней ожесточенных боев.

На следующий день после прорыва блокады наступающие советские войска произвели перегруппировку, чтобы повернуть на юг, стремясь в перспективе занять станцию Мга и очистить от фашистов Кировскую железную дорогу.

7 февраля на Финляндский вокзал пришел первый поезд с большой земли. Он доставил в Ленинград 800 тонн сливочного масла. Через две недели в городе стали действовать нормы продовольственного снабжения, установленные для крупных промышленных центров страны.

Петр ИЛЬИН

КРАСНОБОРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

14 января 1943 года командующий Северо-Западным фронтом маршал Тимошенко представил Ставке «План операции по завершению окружения и разгрому демянской группировки противника». Масштаб предстоящего наступления было решено увеличить. Главной целью операции, которая получила название «Полярная звезда», был разгром немецкой группы армий «Север» и полное освобождение Ленинградской области. Основная роль в осуществлении операции отводилась Северо-Западному фронту, войскам Ленинградского и Волховского фронтов – вспомогательная. 3 февраля Военный совет Ленинградского фронта поставил задачу перед 55-й армией: с рубежа Красный Бор – Ивановское нанести удар в направлении Мга, соединиться с Волховским фронтом и уничтожить мгинско-синявинскую группировку противника. Эта наступательная операция получила название «Красноборской».

Район предстоящего наступления представлял собой равнину, прикрытую торфяными болотами. Оборона немцев состояла из двух полос глубиной 4 – 5 километров. Первая полоса являлась передним краем обороны, вторая располагалась южнее Красного Бора, проходила через железнодорожную станцию Поповка, село Никольское и далее по реке Тосне. По условиям местности немцы занимали более выгодную позицию, закрытую лесами. Согласно данным разведки, в Никольском, Захожье и Случком парке располагалась дивизионная артиллерия фашистов.

10 февраля 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов начали наступление. В результате тяжелейших боев нашим войскам удалось к утру следующего дня выйти на южную окраину

поселка Красный Бор. Утром 13 февраля началось наступление в направлении поселков Переезд, Песчанка и Торфоразработки. В результате дневного боя войска продвинулись на полтора километра на восток, уничтожив свыше пятисот солдат противника и захватив две артиллерийские батареи. Днем 14 февраля наступление продолжилось. Однако организованный огонь из всех видов оружия со стороны немцев не дал нашей пехоте поднять головы. И все последующие попытки перейти в наступление захлебывались во вражеском огне. В боях с 10 по 20 февраля 55-я армия взломала первую линию обороны фашистов, немецкие части были оттеснены на второй оборонительный рубеж. Но дальнейшие попытки сломить сопротивление врага результата не принесли. После того, как наступление наших войск 23 февраля парализовал артиллерийский огонь фашистов из районов Песчанка, Переезд, Воскресенское, Бадаев, Захожье и Никольское, было принято решение перейти к обороне.

27 февраля 1943 года Ставка Верховного Главнокомандующего выпустила директиву, в которой войскам Ленинградского и Волховского фронтов было приказано наступление временно прекратить, «закрепиться на занимаемых рубежах, вести активную разведку с целью выявления слабых мест в обороне противника». Тем самым был признан провал операции «Полярная звезда». Ценой огромных потерь были освобождены Красный Бор и ряд других населенных пунктов. Но стратегический железнодорожный узел Мга и синявинские высоты остались под контролем немцев. Освобождения селу Никольское пришлось ждать еще почти целый год.

Петр ИЛЬИН

«НИ ОДНОГО ЖИТЕЛЯ ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО»

Лето 1943 года стало переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. Советские войска одержали победу в Курском сражении, освободили Орел, Харьков, Белгород и начали движение на Запад. Постепенно менялась ситуация и под Ленинградом. Группа армий «Север» была измотана постоянными атаками советских войск. Крупномасштабная наступательная операция, которая позволила бы уничтожить группировку немецких войск под Ленинградом, была запланирована советским верховным командованием на январь 1944 года. Подготовка к ней началась осенью 1943 года. Первыми начали наступать соединения 2-го Прибалтийского фронта 12 и 14 января в наступление пошли войска Ленинградского и Волховского фронтов.

21 января. «Северо-восточнее Тосно наши войска перешли в наступление и, сломив сопротивление противника, овладели городом и железнодорожным узлом Мга, а также с боями заняли населенные пункты Петрушино, Павлово, Мустолово, ЦНИГРИ, Келково». 22 января. «Севернее и северо-восточнее Тосно наши войска с боями продвигались

вперед и заняли более тридцати населенных пунктов, в том числе Отрадное, Переезд, Воскресенское, Захожье, Войтолово. [...] Наши войсками полностью очищена от противника железная дорога Кириши – Мга – Ленинград». В этот день весь левый берег Невы был окончательно освобожден от фашистов. И Никольское – не исключение. Освобождал село первый стрелковый батальон 172-го стрелкового полка 13-й стрелковой дивизии. Батальон вышел к Никольскому по левому берегу Тосны, со стороны Колпино. Немцы взорвали деревянный мост на реке и отступили в сторону поселка Ульяновка.

Из воспоминаний гвардии капитана в отставке М. А. Нецветайлова, в те дни заместителя командира батальона по строевой подготовке:

«Наши бойцы, перейдя по льду реки, устремились в поселок, точнее бывший поселок – ни одного жителя не было здесь. Немцы вынудили жителей поселка покинуть его, так как все дома были разобраны или сожжены. По кругому берегу реки Тосны – траншеи. Не встретив сопротивления, наши бойцы прошли около километра пути по просе-

лочной дороге и укрепились на кладбище. И здесь заговорили немецкие минометы из укрепленного района у поселка Юношество. Немцы вели огонь по кладбищу. Пришло залечь в брошенные немцами траншеи и принять бой. В это время со стороны деревни Мишкино подошел батальон моряков. Они переправились через реку и пошли в сторону поселка Юношество. Неприятель был вынужден перекинуть часть огня в лощину, по которой наступали моряки. Бойцы 1-го батальона поливали врага огнем наших минометов. [...] Под нашим огнем и огнем наступавшего батальона моряков немцы дрогнули и, оставив орудия, устремились в центр Ульяновки. Наши бойцы, продолжая атаковать, преследовали противника и к вечеру были уже у железнодорожного полотна станции Саблино».

Из воспоминаний фельдшера 406-го стрелкового полка 124-й Мгинско-Хинганской дивизии П. П. Иванова:

«А дивизия продолжала наступление вдоль железной дороги через Отрадное, освободила Отрадное, Ивановскую. Часть солдат нашей дивизии шли вдоль железной дороги.

Немцы оставляли арьергарды для того, чтобы взрывать железнодорожное полотно. Наши передовые части препятствовали этому. Основная масса немцев отступила очень быстро. В их планы не входило задерживаться в поселках. Часть дивизии, наш 406-полк, двинулась в сторону Пустыньки, а другая, 268-й полк, двинулся к нынешнему переезду у Ивановской. Немцы бежали, не оказывая сопротивления, в сторону Лисино-корпуса, чтобы там дать финальный бой.

От Ивановской мы пошли на Никольское. Наступали со стороны Мги. Приняли небольшой бой. Никольское мы освободили и двинулись в сторону Ульяновки. Никольское запомнилось мне как село, в котором были разрушены практически все дома и заводы. Мост через Тосну был взорван, пришлось перейти реку пешком по льду, возле взорванного Графского моста. Мы шли по глубокому, до колена, снегу в валенках. Зима 1944 года была многоснежная. Так мы добрались до Ульяновки, где тоже приняли небольшой бой и освободили ее. Немцы оттуда эвакуировались. От Ульяновки мы различными дорогами и тропами двинулись на Тосно».

К 30 января 1944 года советским войскам удалось отбросить фашистов на южном направлении – на сто, а на западном – на восемьдесят километров от Ленинграда. 27 января в честь полного снятия блокады прогремел победный салют над Невой.

В докладной записке от 3 февраля начальник Управления НКВД ЛО сообщает, что в городе Тосно разрушено до 30% жилого фонда, обстановка в жилых домах нет, обнаружено 16 человек, эвакуированных немцами из лагеря, и 18 местных жителей, скрывавшихся от насилиственной эвакуации. «В населенных пунктах Шапкинского, Пельгорского, Добринского, Большеписинского, Любанского, Замостьевского, Рябовского сельсоветов все жилые дома и хозяйственные постройки разрушены, население нет. Поселок Песчанка разрушен на 89%, поселок Никольский разрушен на 40%. Населения в этих поселках также не оказалось».

До войны в Тосненском районе проживало сто тысяч человек. По состоянию на 8 марта 1944 года учтено сто одиннадцать человек.

Петр ИЛЬИН

О ПОБЕДЕ

В день окончания войны, 9 мая 1945 года, я был в Москве. Я работал тогда военным корреспондентом газеты «Труд», и мне в пору бы услышать счастливую весть где-нибудь в Германии, а не в доме на улице Горького возле Моссовета, но контузия опять дала о себе знать, и с последней поездки на 3-й Белорусский фронт, когда погиб бесстрашный Черняховский, я всерьез и надолго вышел из формы. Но (это не банальный литературный прием и не обманная игра усложливой памяти) когда прозвучали по радио заветные слова, всю мою хворь, и физическую, и душевную, как рукой сняло. Вместе с женой и друзьями, незнамо как очутившимися у нас, с бутылкой водки в руках я оказался на запруженной, ошелотой улице, со странным, острым наслаждением растворившись в толпе. Я никогда не

испытывал такого счастья и напряжения сущности своей в мире и одновременно никогда так полно не изничтожался в окружающем, не утрачивал себя в совершенном слиянии с массой, как в те незабываемые часы.

Помню, мы обнимались и целовались с незнакомыми людьми и поочередно пили водку прямо из горлышка бутылки, орали, смеялись, плачали, пели песни, а мыслей не было, одно неохватное чувство, как у праотца Адама, когда он очнулся в жизни, и не было скорби об ушедших, все исчезло в одуряющем счастье. Мне трудно было написать слова об ушедших, забытых в те минуты. Но это вовсе не забывчивость в ходовом смысле слова, они просто были с нами, они встали из могил и замешались в уличную толпу. Мне кажется, я ничуть не удивил-

ся бы, столкнувшись в толче с теми, кто погиб, чью гибель удостоверили похоронки, а порой и мои собственные глаза. И опять скажу — это не выдумка, не литературный прием, а правда того единственного, на всю жизнь переживания.

И так больше уж никогда не было. Перестала кружиться хмелем радости голова, вера в то, что войны больше нет, прочно вошла в разум, сердце, тело, и с этой остудой явились все погибшие, и боль стала на всегда неотделима от радости, гордости, от удивления перед содеянным. Чаще всего я отмечал великий день со своими школьными друзьями, и, как у всех, наверное, наш первый тост был за победу, второй за тех, кто не вернулся и тем откупил нас, дышащих, пьющих, живущих, от небытия...

Юрий НАГИБИН

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Поздно ночью наконец-то передали сообщение о капитуляции, подписанной в Берлине. Было, кажется, два часа. Я поглядел в окно — почти повсюду окна светились: люди не спали.

Начали выходить на лестницу, некоторые неодетые, их разбудили соседи. Обнимались. Кто-то громко плакал. В четыре часа утра на улице Горького было людно: стояли возле домов или шли вниз — к Красной площади. После дождливых дней небо очистилось от облачков, и солнце отогревало город.

Так наступил день, которого мы столько ждали. Я шел и не думал, был песчинкой, подхваченной ветром. Это был необычайный день и в своей радости и в печали: трудно его описать — ничего не происходило, и, однако, все было полно значений — любое лицо, любое слово встречного.

Пожилая женщина показывала всем фотографию юноши в гимнастерке, говорила, что это ее сын, он погиб прошлой осенью, она плакала и улыбалась. Девушки, взявшись за руки, что-то пели. Рядом со мною шла женщина и мальчик, который все время повторял: «Вот это майор. Ура! Старший лейтенант, орден Отечественной второй степени. Ура!» Девочка сунула моряку букетик подснежников, он хотел ее обнять, она фыркнула и убежала. Старик громко сказал: «Вечная память погившим»; майор на костылях поднес руку к козырьку, а старик рассказывал: «Жена просила: "Скажи", — она простыла, лежит... Гвардии старшина Березовский. Две личные благодар-

ности от товарища Сталина...» Кто-то сказал: «Ну, теперь скоро вернется...» Старик покачал головой: «Погиб смертью героя, восемнадцатого апреля, командир написал... Жена просила: «Ты расскажи...» Я говорил, что было много печали: все вспоминали погибших. Кажется, не было в нашей стране стола, где люди, собравшись вечером, не почувствовали пустого места.

Днем на Красной площади подростки веселились, их веселье передавалось другим. Да и можно ли было не радоваться: кончились! Качали военных. Один офицер протестовал: «Ну меня за что?..» В ответ кричали «ура». Несколько военных узнали меня, кто-то крикнул: «Эренбург!» Начали и меня качать. Неприятно, когда тебя подкидывают вверх, а главное, неловко: я молил «хватит», но это только подзадоривало солдат, и меня подбрасывали еще выше.

Слов нет, чтобы сказать, как я возненавидел войну. Из всех человеческих начинаний, порой жестоких и безрассудных, это самое окаянное. Нет для него оправдания, и никакие разговоры о том, что война в природе людей или что она школа мужества, никакая романтика «мужских бесед у костра» не прикроют ужаса убийства оптом, судьбы выкорчеванных поколений.

Вечером передавали речь Сталина... Программой небывающей салют палила тысяча орудий, дрожали стекла... Я стараюсь как можно точнее восстановить тот далекий день. А я радовался вместе со всеми, улыбался, поздравлял. Победа!

Я вспоминал ночи Мадрида, эсэсовцев на парижских улицах, Киев. Бог ты мой, какое счастье! Что там ни говори, начинается новая эпоха. Наш народ показал свою силу, плохо подготовленный, застигнутый врасплох, он не сдался, стоял насмерть под Москвой, у Волги, повернулся лицом к захватчику, повалил...

А хочется мне кончить рассказ о девятом мая другим: это был день необычайной близости всех, и сказывалась она не только в том, что незнакомые люди на улице целовались, — в улыбках, в глазах, в каком-то тумане сочувствия, нежности, который ночью окутал город.

Последний день войны... Никогда я не испытывал такой связи с другими, как в военные годы. Некоторые писатели тогда написали хорошие романы, повести, поэмы. А что у меня осталось от тех лет? Тысячи статей, похожих одна на другую, которые теперь сможет прочитать только чрезмерно добросовестный историк, да несколько десятков коротеньких стихотворений. Но я пуще всего дорожу теми годами: вместе со всеми я горевал, отчаялся, ненавидел, любил. Я лучше узнал людей, чем за долгие десятилетия, крепче их полюбил столько было беды, столько душевной силы, так прощались и так держались.

Об этом тоже я думал ночью, когда погасли огни ракет, стихли песни и женщины плакали в подушку, боясь разбудить соседей, — о горе, о мужестве, о любви, о верности.

Илья ЭРЕНБУРГ